

«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 03 (40) от 20 января 2010 г.

СМЫСЛ ВОЛЬНЫХ СТРОК

ГЕРОЛЬД БЕЛГЕР
ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ
(ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ)

Б орьба с коррупцией у нас

происходит волнообразно. То аврал, то полное затишье. И коррупционеры к такой «борьбе» приспособились. Ухмыляются в усы. Творят, что в башку приходит.

Как же боролись с коррупцией, скажем, в XIII веке? Вот сцена из романа Еркека Турсунова «Мамлюк»: «После обеда султан занимался устройством порядка в государстве и установлением справедливости. Он возлежал на высоких подушках. С обеих сторон его обмахивали длинными страусиными веерами черные юноши. За спиной, как обычно, стояла его Тень. Рядом, со свитками в руках, джати Фатих – с розовым и тряским при ходьбе лицом.

Первым привели сборщика податей. На него жаловались феллахи из Марж-ас-Султан-Шама.

– В чем тебя обвиняют? – спросил султан.

– Я ни в чем не виноват, Светлейший, – заплакал сборщик.

– Значит, ты считаешь себя безгрешным? – хмыкнул ас-Салих. –

Следовательно, ты уже виноват. В Писании сказано: только младенец без греха.

Фатих развернул один из парусиновых свитков, пробежал по строчкам глазами и низко поклонился.

– Он брал взятки, Светлейший, – сказал он. – Вина его доказана.

– Значит, у тебя длинные руки, – усмехнулся султан и мельком глянул на палача с кривой саблей.

Тот, не раздумывая, рубанул сборщика по сгибу локтя.

Рука отлетела в сторону.

Взятчик взвыл, прижимая культю к груди.

Кровь залила ковры. Никто не обратил на это внимания.

Руку со вздрагивающими пальцами бросили на поднос. Воющего сборщика потащили за ноги из зала».

Понятно, то был XIII век. Ныне нравы другие. Кривая сабля палача – это слишком жестоко. Но бороться с нечистью можно другими средствами. Если действительно о борьбе идет речь.

Казахи ловко переиначивают слова, находят в них национальную этимологию. Встречаются мастера-словотворцы. Один Олжас чего стоит!

Один знакомый издатель объяснил мне, что «элита» – казахское слово: состоит из двух компонентов – ел (страна, народ) и ит (собака). То есть, «элита» – ел иттері – псы народа. Смешно, не правда ли?

«Диета» – тоже казахское слово. «Ди» – понятно, два, двойное. Ет – мясо. Получается: «два мяса». То есть, диета казаха – два раза на дню есть мясо.

Арина Родионовна тоже соотносится с казахским языком. Няня учила Пушкина уму-разуму, и тот соглашался: Крине, Родионовна («Конечно, Родионовна»).

В Павлодаре, когда я баллотировался в депутаты Верховного Совета в 1994 году, районное руководство устроило приемчик. На столе в большой чаше

янтарно отливали свежее испеченные баурсаки. А за столом находились два немца – местные деятели. Одного звали Бауэр, другого – Зак. И я пошутил: баурсак – немецкое блюдо: бауэр+зак=мешок земледельца.

«Ғайрат» (по-казахски мощь, сила, энергия) произошло от немецкого «Heirat» (свадьба).

В 1998 году в Дюссельдорфе (Германия) Дюйсен Касеинов пошутил: город назван в его честь: Дюйсендорф.

Гротеволь тоже казах: Керт□бел.

Немецкая Гертруда у Ильяса Джансугурова переименована в Керт□ре. Писатель Альжаппар Абишев уверял, что англичанин Эндикот Джеймс – казах (от енді к□т жейміз).

Когда «Казахстанская правда» искажила моя фамилию («Бергель»), Джубан Молдагалиев сказал: «Не обижайся. «Бері кел» – значит «иди сюда», «пожалуй к нам». Хуже было бы, если бы газета сказала: «Крі кет» – «Вон отсюда!».

Калмухан Исабаев заявил, что «Аляска» от казахского «Клі де алыс па?» («Еще далеко»).

А редактор в казахской огласовке «ірідактор». Ірі – значит, крупный, значительный.

Во всех словах мира присутствует казахский элемент. Это свидетельствует о живости, гибкости, мощи и богатстве казахского речестроя.

Читатель, наверное, обратил внимание: я то и дело возвращаюсь к теме коррупции. Всем нутром чувствую, что она зло, зараза, напасть, разъедающая общество. Злокачественная опухоль. Метастазы. От коррупции вроде как и излечиться невозможно.

Я вот 68 лет живу в Казахстане. Часто бывал в Узбекистане, Киргизии, России. И все чаще прихожу к горестному выводу, что в этих странах искоренить коррупцию в принципе невысказано. Исторически, генетически, традиционно, житейски. Коррупция в этих странах – нечто основополагающее, жизнеобразующее. Уничтожь коррупцию – и все сразу рухнет, помертвеет. То же – читаю – в латиноамериканских странах, в азиатских, африканских.

Я все чаще задумываюсь: может, с коррупцией, если и нужно бороться, то умеренно, мягко, бережно, понемногу. А то ведь вместе с коррупцией могут исчезнуть и интерес к жизни, к риску, к авантюре, вкус жизни, прелесть, азарт бытия.

Сильно смутил меня корреспондент «Известий» (02.12.09) Дмитрий Соколов-Митрич своей статьей «Моя коррупция». Он резонно пишет: «Легко ненавидеть некую безликую коррупцию. Обличать чиновничество как класс, а не конкретных людей, но – не знакомых, не родственников и не себя. А вы вот сядьте, успокойтесь и присмотритесь к своей собственной, личной, персональной коррупции. И если вы ее не разглядите, значит, вы страшный человек, и вам нужна экстренная психологическая помощь».

И еще он замечает: «А теперь давайте громко произнесем вслух одну простую и жестокую истину. Не могут победить. И эти люди – мы с вами».

И приходит автор статьи к выводу: «Жизнь без коррупции для нас сегодняшних скучна, пресна и на фиг не нужна».

Ссылается он при этом на Норвегию: «Я был там недавно и еле выдержал десять дней. Да, страна красивая, да, идеальный порядок, но как же там скучно! Я встречался с нашими соотечественниками, которые живут там годами, – у них лица пожизненно осужденных. Коридор жизни узок, как газовая труба. Шаг вправо, шаг влево – свисток арбитра. Ты точно знаешь, что с тобой случится в ближайший день, месяц и даже жизнь. Хорошо это или плохо?».

Заколебал он меня, Соколов-Митрич. Видно, беспощадно надо бороться с государственной коррупцией. А бытовую, повседневную, традиционную приходится только обуздывать, придерживать, минимизировать, «облагораживать», «остепенять», дабы не ввергнуть себя совсем уж в тюремный регламент.

Вероятно, жить без коррупции – все равно что жить без секса. Немец, полагаю, без коррупции жить как-то может. Он от природы к тому расположен. А вот айналайын мой казах, узбек, киргиз, русский и многие другие – никак.

Не так-то все просто, брат мой, на этом свете. И коррупцию, видно, человечество придумало не зря.

По радио республиканскому передали (15.12.09) о самых-самых богачах, проживающих в Швейцарии. Назвали дочь Каримова, занимающую девятое место: она обладает 700 миллионами долларов. Назвали с гордостью и бывшего нашего земляка, мэра города Алматы: его состояние, мол, составляет 400 миллионов. Вот он, «интеллигент», славный и верный сподвижник президента – Виктор Храпунов! Изрядно, выходит, нахапал зять казахский.

Я не зависим, не зависим. От меня ничего не зависит. Я свободен. Абсолютно свободен. Никому, значит, не нужен.